

Глава 22. Его трудно задобрить

Почки, как известно, сдают именно после чрезмерного усердия.

Цзян Тан, которого выжали досуха, провалился в глубокий сон.

Какая там бессонница. Теперь её для него просто не существовало. Сейчас он бы и одного сна не увидел: спал так тяжело и глубоко, будто попросту потерял сознание. В полудрёме ему хотелось открыть глаза, но он по-прежнему чувствовал себя тем самым мороженым, которое растаяло под солнцем. Лишних сил на сознание уже не оставалось, и он просто распластался белой мягкой лепёшкой.

Наверное, это был ПТСР от их душевного сближения: даже во сне Цзян Тан жалобно поскуливал, будто всё ещё никак не мог оторваться от души Фу Линцзюня.

Нет, всё, с него хватит, боссу и правда больше нельзя. Такие штуки из жизни культиваторов ему совсем не по плечу. Он всего лишь слабый смертный, у-у-у.

Цзян Тан проспал долго, очень долго. Настолько долго, что живот успел урчать уже не один раз, прежде чем он понемногу пришёл в себя.

Он лежал с закрытыми глазами, мягко распластавшись по земле. Сквозь дремоту услышал, как над головой пролетели птицы, захлопали крыльями, сели на ветки и зачирикали. Налетел ветер, зашумела листва, и вместе с ним пришли сладкий запах цветов и свежесть травы. Откуда-то рядом донёсся близкий журчащий звук воды, а вслед за ним повеяло влажной, прохладной, сладковатой сыростью.

Угу... неужели его снова выкинули из долины Тяньбэй?

Цзян Тан ещё долго лениво лежал, потом неспешно перевернулся на другой бок.

У самого носа качнулся бледно-фиолетовый цветок, который он своим движением пригнул к земле.

Цзян Тан с трудом приоткрыл глаза. Розовый носик дёрнулся, втягивая запах полевого цветка, совсем близкого. Пыльца осыпалась, прилипла к носу, чуть защекотала. И пахло приятно.

Какой душистый цветок.

Похоже, его и правда опять вышвырнули из долины Тяньбэй. Иначе откуда бы здесь взялись цветы.

К носу медленно подлетела бабочка и села прямо на него. Цзян Тан чуть пошевелил носом, но она не улетела.

— Мм, привет, — бабочка медленно раскрывала и складывала красивые крылья, тонкие лапки щекотно скользнули по его носу.

— ... — Цзян Тан бессознательно тихо промычал что-то в ответ.

Но не успел он собраться с силами, чтобы как следует поздороваться, как бабочка уже вспорхнула и улетела.

Перед самым уходом он услышал её слегка встревоженный голос:

— Ой, злой дух идёт.

Мм? Злой дух? Это она про Фу Линцзюня или про Сян Сина?

Цзян Тан с усилием разлепил веки и издали увидел очень знакомый огромный меч, висевший в воздухе, а под ним — толстые, как у спящего дракона, переплетённые громадные корни дерева.

Вот только корни будто изменились. Он помнил, что прежде их разъела старость: голые, серые, уродливые. А теперь их густо покрывал мох, и в этой зелени билась совсем иная жизнь.

Э? Он никуда не переехал? Это по-прежнему долина Тяньбэй?

Но разве долина Тяньбэй не была безжизненной и мёртвой? С каких это пор в этом жутком месте появились трава и цветы?

Он что, так долго спал? Неужели проспал целый цикл? Неужели и правда, сблизившись душами с могучим культиватором, можно получить духовную силу? Тогда он что, теперь сразу взмыл на небеса?

Чем дальше думал Цзян Тан, тем сильнее вдохновлялся. Но где-то внутри всё равно чувствовал: что-то тут не так. Если бы он и правда спал так долго, то уже высох бы от голода в мумию.

Он услышал, как на землю мягко опустились сапоги, и трава, шурша, прижалась к подошвам. Потом травинки посыпались под ногами, и чьи-то шаги приблизились.

Наконец они остановились прямо перед ним.

Это был Фу Линцзюнь.

Бледный красавец всё ещё хранил в себе ту самую надломленную хрупкость. Свет с трудом пробивался сквозь распущенные волосы и падал на лицо Цзян Тана.

— Иди сюда, — мягко сказал Фу Линцзюнь, протянув руку.

Цзян Тан вспыхнул.

Конечно, как пушистый зверёк он вроде бы не должен был уметь краснеть, но Цзян Тан совершенно точно ощущал, что лицо у него сейчас пылает!

Ну а что тут поделаешь. Пусть это было всего лишь, кхм, духовное, но по ощущениям сцена напоминала утро после пьянки: ты очнулся, а рядом тот самый человек, с которым ночью почему-то оказался безо всяких преград, и теперь вы смотрите друг на друга.

Ладно, Цзян Тан уже был к этому морально готов. После первого раза он как следует порылся в памяти и тщательно пересмотрел, что именно лежало у него в личной папке и слишком занимало место на диске. Всё уже было разобрано. Ничего чрезмерного. По крайней мере, в его подборке главными героями были люди. А что до разнообразия... ну...

Он просто не верил, что Фу Линцзюнь, проживший тысячи лет, совсем уж такого не видел! Все мы мужчины. Подумаешь, немного посмотрел — это же можно понять, правда?!

Цзян Тан дрожащими лапами медленно поднялся и двинулся к нему с видом человека, идущего на казнь.

Голова работала на полную.

Нужно было заранее подготовить ответы. Например, что он скажет, если Фу Линцзюнь спросит, понимает ли он человеческую речь. Или если спросит, что это за человеческий облик вдруг возник во время их душевного контакта. Или если решит, что он какой-нибудь демон, и захочет немедленно истребить нечисть... Короче говоря, у Цзян Тана уже была заготовлена целая корзина ответов.

Но когда он подошёл к Фу Линцзюню, тот просто протянул руку, почесал ему пушистый подбородок и будто себе под нос пробормотал:

— Что-то ты спросонья совсем поглупел.

— ... — Сам ты поглупел во сне!

Если раньше Цзян Тан болезненно реагировал на слово «тупой», то теперь слово «сон» било по нему куда сильнее. Он мгновенно взъерошился и сразу же цапнул Фу Линцзюня за палец.

Сила укуса у пушистого комочка по-прежнему не причиняла Фу Линцзюню ни малейшего вреда.

Он великодушно подставил ему палец и даже с некоторым удовлетворением заметил:

— Значит, совсем оправился.

Что значит «оправился»? Он что, сам не знает, сколько раз прежде беззастенчиво с ним... того самого? Цзян Тан и сам не понимал, сколько проспал, но по крайней мере ощущение полной душевной и телесной выжатости наконец прошло. К счастью, у души почки не отказывают, а значит, максимум можно просто какое-то время побыть размякшим.

Вот только почему этот человек такой спокойный?

Фу Линцзюнь вообще не собирается объяснить, что между ними произошло? И не хочет ничего спросить? Просто сделает вид, что ничего не было? Психика у него и правда каменная. Всё-таки старый монстр, проживший тысячи лет. Тут не сравнишь.

Цзян Тан всё ещё не мог до конца выбраться из последствий этого душевного сближения.

Во-первых, у Цзян Тана никогда не было отношений. Во-вторых, он был новичком. Самым настоящим.

Что это значит? Примерно то, что к близости он одновременно и тянулся, и отталкивался от неё. И при этом был невероятно осторожен, боялся нарваться на человека, который просто захочет вытянуть из него деньги... кхм, сейчас денег у него не было, конечно, но если у тебя вытянут душу и чувства — это ведь тоже ужасно!

Так что, прожив в одиночку слишком долго, он уже вошёл в режим автоматического отказа от любых близких отношений. Но всё равно по ночам время от времени тоскливо мечтал о том, что у него однажды появится кто-то по-настоящему близкий.

И вот в такой ситуации его отношения с Фу Линцзюнем, ещё недавно ограничивавшиеся «кормилец и питомец», вдруг на полном газу рванули вперёд и стали на какие-то миллиард процентов интимнее. Поначалу Цзян Тан чувствовал себя совершенно потерянным.

Но потом он всё-таки прокрутил в голове всё, что между ними происходило, и собственные ощущения от этого. Что сделано, то сделано. Дело уже свершилось, сырой рис сварился. И что теперь? Оставалось только принять это и жить дальше. Другого выхода всё равно не было.

Ладно уж, как-нибудь доживут. Не разводиться же. Найти себе подходящего человека и так непросто. Пусть Фу Линцзюнь и мужчина, зато красивый, сильный и, в общем-то, к нему неплох. Так что не в убытке.

Но проблема была в другом. Цзян Тан у себя в голове уже всё по полочкам разложил, а Фу Линцзюнь вёл себя так, будто вообще ничего не произошло!

Неужели для него это неважно? Или в мире культивации подобное вообще обычное дело? Ничего особенного? Тогда, может, это он сам слишком остро на всё реагирует и просто ещё не успел привыкнуть к местным нравам?..

Но как ни крути, душа — это же самое сокровенное, что есть у человека. Разве можно направо и налево показывать её кому попало, хватать первого встречного и вот так с ним сближаться? Во время такого соприкосновения две души прижимаются друг к другу и без остатка делятся собой, словно становятся одним целым. По степени близости это, как ни посмотри, даже интимнее телесной.

Так что, выходит, это он сам слишком старомоден? Почему Фу Линцзюнь вообще никак не реагирует на то, что между ними было? Разве это нормально? Нет, это точно ненормально!

Пока Цзян Тан разворачивал у себя в голове целую многосерийную мелодраму, зубы его всё ещё сердито жевали палец Фу Линцзюня, а слюна размазалась уже чуть ли не по всей руке.

Фу Линцзюнь сначала просто хотел немного подразнить пушистый комочек. Но тот палец, который зверёк то и дело брал в рот, снова и снова покрывался тёплой слюной. От этого влажного, мягкого ощущения ему было приятно. И всё же этого явно не хватало.

— Поцелуй здесь, — он откинул рукав, открыв предплечье, где мышцы красиво проступали под кожей.

Цзян Тан: поцеловать тебе макушку, вот что! Не буду! Ни за что!

Упрямый комочек, не соблазнившись прекрасной плотью, возмущённо фыркнул, выплюнул палец и с негодованием отвернулся, подставив ему свой обгоревший маленький зад.

Фу Линцзюнь протянул руку и дотронулся до хвоста Цзян Тана.

Пушистый, как облако, хвостик тут же нервно заметался из стороны в сторону, не даваясь ему в руки. Так и началась у них эта детская возня: Фу Линцзюнь тыкал в хвост, а Цзян Тан в ответ шлёпал его хвостом. В конце концов Цзян Тан понял, что над ним опять издеваются, разозлился, вскочил на все четыре лапы и застучал ими прочь. Добежав до половины пути, он ещё и обернулся, чтобы свирепо на него посмотреть.

Тьфу! Подлец!

В больших влажных глазах так и кипела обида. Будто он собирался прожечь в Фу Линцзюне дырку одним взглядом.

Но в глазах Фу Линцзюня душа зверька сияла чистым, ярким розовым. Это был цвет любви. Ему было радостно, весело, хорошо. Тогда почему он вёл себя так, будто ужасно злится?

Фу Линцзюнь, который никогда в жизни не влюблялся и знал только сто способов отправить врага на тот свет, а любовь считал помехой скорости удара мечом, опустил взгляд на прозрачную слюну у себя на пальцах и медленно растёр её подушечкой пальца.

Мало.

Такого прикосновения было недостаточно.

Кроме этого ему, похоже, хотелось ещё чего-то. Хотелось большей близости. Хотелось обладать большим. Но стоило попытаться схватить эту мелькнувшую мысль, как она ускользала. В следующий миг её уже не было.

Вдали по зелёному лугу медленно шла высокая живая гора.

Сян Син нёс в руках целую охапку красных плодов и осторожно шагал вперёд, стараясь ничего не уронить.

Цзян Тан временно забыл о подлом красавце и бросился к Сян Сину. Что бы там ни было, а есть всё равно надо. Он был ужасно, ужасно голоден и хотел чего-нибудь мясного, чтобы как следует восстановиться. Но если мяса нет, красные плоды тоже пойдут.

— У-и-и... — Цзян Тан рысью подбежал и потёрся о сапог Сян Сина.

Сян Син понял, что он проголодался, выбрал из охапки самый красный и большой плод, положил на землю и заботливо надорвал кожицу.

Фу Линцзюнь издали смотрел, как пушистый комочек трётся о ноги Сян Сина, и вдруг сам не понял, почему ему стало не по себе. Эта досада была направлена будто и на зверька, и на него самого. Он не мог её объяснить, а от картины перед глазами стало неприятно. Потому он просто взмахнул рукавом и ушёл к ледяному озеру.

Ничего не подозревающий пушистый комочек тем временем грыз красный плод. Любовь и ненависть к этому меню давно уже жили в нём бок о бок. Когда он доел первый плод и уже потянулся ко второму, то вдруг запоздало кое-что вспомнил.

Разве теперь в долине Тяньбэй не появились живые существа? Он ведь слышал воду, видел птиц и насекомых. Значит...

В ручье должны быть рыбы?

Ему так хотелось наконец сменить рацион. Он хотел мяса!

По заведённой привычке он снова начал приставать к здоровяку, кувыркался, канючил и лип к нему до тех пор, пока Сян Син наконец не понял, чего он хочет, и не повёл его ловить рыбу.

Вьющийся ручей был прозрачным до самого дна. Услышав шаги, рыбки тут же метнулись под камни. Все они были серебристые, примерно с палец Сян Сина. Для Цзян Тана это уже считалось крупной рыбой. Одним только взглядом он уже насчитал больше десятка. Он не жадный. Ему и одной хватит!

Председатель ассоциации любителей тискать мелких зверушек по имени Сян Син ловил рыбу впервые. Но ради того, чтобы вырастить Сяо Бая, даже незнакомым делом был готов заняться с полной серьёзностью.

Проблема лишь в том, что движения у него были слишком неуклюжие. Да и сам он был большой, заметный. Юркие серебряные рыбёшки нагло сновали прямо у его ног, а он, как ни старался, долго не мог поймать ни одной.

Это и есть тот самый демон-слуга, внушающий ужас по всем сторонам, неуязвимый, кровожадный и заставляющий младенцев плакать по ночам?

Собачка вздохнула.

Один большой и один маленький долго возились в ручье. Цзян Тан уже почти сдался, потом тайком сбегал, притащил красный плод и уселся неподалёку жевать его, хотя бы морально поддерживая здоровяка.

Когда вернулся Фу Линцзюнь, ни Цзян Тана, ни Сян Сина рядом уже не было. Впрочем, искать их и не требовалось: издали доносился мощный плеск, с которым Сян Син боролся с водой.

А среди этого плеска слышалось тихое у-и-и пушистого комочка.

Сердце Фу Линцзюня дрогнуло, и он медленно пошёл туда. Подойдя ближе, он увидел, как тот белый комочек, что недавно сердился на него, весь мокрый, перепачканный брызгами, всё равно жмётся к воде и льнёт к Сян Сину, будто целиком ему доверяет.

Фу Линцзюнь и сам не понял, почему это так задело его. Но, пока осознавал, уже успел в несколько шагов подойти и загородить зверьку дорогу.

Перед мордочкой вдруг возникло препятствие. Цзян Тан не успел затормозить, мягко ткнулся в него и плюхнулся на зад.

— У-и-и! — Подлец! Ты ещё зачем вернулся!

Цзян Тан безо всякой угрозы растопырил лапы, но в следующую секунду его уже подняли за шкуру.

Фу Линцзюнь смотрел на него без выражения.

Мокрый комочек был уже не таким пушистым и казался ещё меньше. Он сунул его обратно за пазуху и с холодным презрением посмотрел на Сян Сина, который весь вымок и теперь не имел на себе ни одного сухого места.

— Что ты делаешь?

Сян Син перестал неуклюже ловить рыбу. Он хотел выйти из ручья, но ему было стыдно, что он так и не смог ничего поймать для Сяо Бая, и потому он так и завис между желанием выйти и чувством вины.

— Хозяин. Сяо Бай. Рыбу, — выдал он.

Передал желание Цзян Тана максимально чётко.

— Рыбу? — Фу Линцзюнь совершенно не считал, что такая обычная тварь способна принести телу хоть какую-то пользу. Пушистый комочек лишился кости судьбы, а значит, лучше бы ему есть пищу с духовной силой. Пусть долина Тяньбэй и начала постепенно возвращаться к прежнему облику, но духовным плодам и травам ещё нужно время. Обычная рыба даст разве что немного мутной земной примеси — и больше ничего.

— Сяо Бай. Нравится, — добавил Сян Син.

Фу Линцзюнь мельком глянул на рыб, весело резвящихся в воде, и на миг замолчал. Потом поднял руку и без всякого труда поймал одну прямо из воздуха. Рыба ещё билась в его пальцах, но в следующую секунду он просто сжал руку, и она умерла.

— Это хочешь есть? — он поднёс её к Цзян Тану.

— У-и-и... — Цзян Тан замотал головой. Он хотел жареную! Не сырую!

Сян Син как глава ассоциации любителей мелких зверей мгновенно понял, почему тот отказался. Он осторожно подсказал:

— Надо... жареную.

Фу Линцзюнь нахмурился.

Хотя все вопросы он задавал пушистому комочку, отвечал ему почему-то один Сян Син. Будто между ними уже установилось безупречное взаимопонимание и им друг за друга всё ясно.

Он швырнул зверька обратно Сян Сину и холодно бросил:

— Не хочет — его дело.

Сказав это, он с явным раздражением смыл с рук рыбный запах и ушёл.

Цзян Тан: ???

Что это вообще за тон? И это вот так он обращается со своей... духовной половинкой? «Не хочет — его дело»? Да эту сырую рыбу, даже не выпотрошенную, и собаке-то не всякой сунешь — а он ещё и не собака!

Возмутительно. Просто возмутительно!

Цзян Тан весь надулся, как взрывная вата, и что-то без конца бурчал себе под нос.

Сян Син шмыгнул носом. Ему казалось, что Сяо Бай сейчас точно несчастен. Поэтому он присел, вытер руки о мокрую одежду — от этого они, конечно, сухими не стали, — и погладил комочек по голове:

— Пойдём. Семечко.

Речь шла о той косточке, которую Цзян Тан посадил у большого дерева на краю запечатанной земли.

— У-и-и! — Цзян Тан тоже хотел посмотреть на своё семечко. Теперь, когда долина Тяньбэй полностью изменилась, его росток наверняка уже вылез.

Он потёрся о ладонь Сян Сина, давая понять, что согласен.

Так одна большая и одна маленькая фигуры снова отправились в своё однодневное путешествие по долине Тяньбэй. Только на этот раз мир, который видел Цзян Тан, был уже не мёртвым, а живым и прекрасным. Хороший пейзаж немного развеял его раздражение. Он встал во весь рост на ладони Сян Сина и с живым интересом принялся смотреть по сторонам.

Днём светлячки прятались и спали в траве.

Когда они снова проходили через эту равнину, Цзян Тан ткнул Сян Сина лапкой, показывая, чтобы тот сперва опустил его на землю.

Пока рядом стояли «злые духи», живые существа всё равно не смели к нему подлетать.

Оказавшись отдельно от Сян Сина, Цзян Тан по памяти добрался до того места, где прежде стоял чёрный гигантский кокон. Теперь там не осталось ни следа, только вокруг по кругу цвели бледно-фиолетовые цветы, по цвету точь-в-точь как тогдашний громовой огонь.

Прямо как отмеченная точка на туристической карте.

Цзян Тан сердито топтал этот круг, кусал воздух и носился по нему, пока с перепугу не разбудил несколько светлячков, дремавших под листьями.

— Ой? Это же ты.

— Ты уже в порядке?

— А я ведь раньше зря тебя подозревала. Выходит, ты и правда пришёл изменить злого духа!

— Точно-точно, мы всё видели.

Они говорили по очереди. Всего их было четыре.

На последней фразе лицо у Цзян Тана позеленело.

— У-и-и... — Не понял. Что именно они видели? Как он с Фу Линцзюнем тогда... душами того самого? Это что, ещё и с прямой трансляцией было?!

Цзян Тан уже почти решил, что на этом его социальная смерть достигла пика, но светлячки с запозданием всё-таки пояснили: они только чувствовали, как две разные души прижались друг к другу. Что именно между ними происходило, они не знали.

И всё же, едва вспомнив ту ночь и то бесконечное туда-сюда, туда-сюда, когда всё переворачивалось с ног на голову, Цзян Тан, слабый и безвольный сгусток, снова залился краской.

Но раз нашлись существа, с которыми можно было нормально поговорить, да ещё и те самые очевидцы, весь накопившийся за день гнев у него тут же вырвался наружу. Белый мягкий комочек уселся поудобнее и начал перечислять четырём светлячкам десять смертных грехов этого Фу-подлеца.

Он жаловался долго и обстоятельно. Светлячки слушали вполуха. И только когда он наконец

выдохся, одна из них слабенько сказала:

— Но злой дух ведь и так ничего не помнит.

Цзян Тан застыл.

— У-и-и? — В каком смысле? Как это — не помнит? Почему он не помнит того, что между ними было?

Светлячок подлетел ближе и сел на травинку у самого носа Цзян Тана.

— Злой дух, который умирает, живёт только инстинктом. Память у него пропадает.

С этими словами он сорвался с травинки и улетел маленькой мерцающей звёздочкой.

Злой дух, который умирает, живёт только инстинктом. Память у него пропадает...

Чёрт.

Хотя сам Цзян Тан тоже считал, что тот случай был невероятно неловким, страшно стыдным и достойным полной перезагрузки мозга, а ещё по-своему даже радовался, что Фу Линцзюнь, возможно, ничего не помнит, ведь иначе он вообще не представлял, как теперь вести себя рядом с ним, оставаясь домашним зверьком...

Но стоило узнать, что Фу Линцзюнь действительно ничего не помнит, как его охватила такая обида, такая злость, что хотелось просто лечь на землю и беззвучно орать!

То есть просто воспользовался и всё?!

А-а-а! Убить хочется!

Цзян Тан бесновался и беззвучно выл ещё очень долго. Светлячкам в конце концов надоело его слушать, и они один за другим попрятались подальше в траве, лишь бы оказаться в тишине. И только когда Цзян Тан мучительно перевёл себя из режима «уже почти женат» обратно в режим «одинокого холостяка», он совсем сник, потёрся о Сян Сина и поплёлся смотреть на росток.

Под деревом красных плодов всё уже заросло цветами и травой. Посаженное им семечко действительно проросло: короткий, толстенький, тёмно-зелёный росток выглядел бодрым и смешно милым.

Вот только смотреть на него у Цзян Тана сейчас не было настроения.

Он увял, как подмороженный баклажан, и так и вернулся назад, поникнув на ладони Сян Сина. Когда они подошли ближе, он увидел, что Фу Линцзюнь всё так же сидит на мече. И, возможно, ему лишь показалось, но будто бы тот украдкой на него поглядывал.

Белый пушистый зверёк в ответ подарил ему огромный выразительный закат глаз, потом выбрался из ладони Сян Сина и, пошатываясь, вернулся в своё гнездо.

И едва ступил к самому краю, как увидел на листе у входа жареную рыбу.

Одну большую, по его меркам, жареную рыбу.

Цзян Тан сразу что-то понял, беспомощно обернулся, а Фу Линцзюнь, будто почувствовав этот взгляд, перевернулся на мече на другой бок и демонстративно повернулся к нему спиной.

Цзян Тан: ...

Вообще-то он просто хотел спросить, неужели эту рыбу так и нужно есть? Она же сгорела до черноты.

Примечание автора:

День первый: как неправильно утешать жену.

День второй: я смутно слышал, что, кажется, лишился жены.

<http://bllate.org/book/17032/1601808>